

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДУХОВНЫЙ ХРИСТИАНИНЪ

Сыновъ свободы, поклоняющихся Отцу въ духъ и истинѣ.

«И почиетъ на нихъ
духъ Господень, духъ
премудрости и *разума*»...
Исайя 11, 2.

№ 10-й.

ОКТАВРЬ. 1907 г.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. В. Орлова. В. О., Средній пр., № 6.

1907.

* *

„Богъ далъ намъ способность
Быть служителями *Новаго Завета*,
Не буквы, но духа, ибо буква
Убиваетъ, а духъ животворитъ“.

2 Кор., 3, 6.

* *

Пророчество.

Исайя премудрый, пророкъ іудейскій,
Сказалъ, что настанетъ счастливое время,
Когда, наученные Истиннымъ Богомъ,
Несчастные люди поймутъ и познаютъ,
Что злая причина ихъ адскихъ страданій
Сокрыта въ ихъ вѣчной, безумной враждѣ.
Тогда,—говоритъ онъ,—орудія смерти
Они обратятъ на полезное дѣло,
И больше не будутъ, какъ дикіе звѣри,
Народъ на народъ подыматься войною
И, мирныхъ людей отъ сохи отрывая,
Не стануть ужъ больше убійству учить.
И вотъ ужъ двѣ тысячи лѣтъ съ половиной
Живетъ человѣчество, послѣ убійства
Святого пророка, предвѣстника правды...
И что-же мы видимъ? Несчастные люди
По прежнему ссорятся, вѣчно враждуя!..
Ужели ошибся великій пророкъ?

Вас. Яков. Головна.

м. Рѣшетеловка,
Полтав. губ.

Опомнитесь, люди-братья!

Двадцатый уже вѣкъ идетъ съ тѣхъ поръ, какъ Христосъ отмѣнилъ древній законъ возмездія и ненависти и далъ намъ новую заповѣдь любви другъ къ другу, любви ко всѣмъ людямъ и даже къ врагамъ, говоря: „заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ я возлюбилъ васъ“. Вы слышали, что сказано: любите ближняго твоего и ненавиждь врага твоего, а я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклимающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ, да будете сынами Отца вашего небеснаго“ (Іоан. XIII, 34; Матѳ. V, 43—44).

Но вы, братья и сестры, что дѣлаете? Одни изъ васъ, называющіе себя православными и русскими людьми, во имя своей вѣры и отечества проповѣдуютъ вмѣсто любви ненависть къ тѣмъ, которыхъ они считаютъ врагами своей вѣры и отечества и призываютъ къ ихъ истребленію, къ погромамъ и войнамъ. Другіе, вѣря ихъ слову, убиваютъ, сжигаютъ и всячески насилуютъ людей, часто совершенно беззащитныхъ и слабыхъ, грабятъ и разоряютъ ихъ имущества и жилища. Третьи угнетаютъ людей во имя своихъ личныхъ выгодъ,—богатства, славы и власти. А четвертые, которые стремятся, вопреки этимъ людямъ, водворить на землѣ царство свободы, равенства и братства, съ своей стороны нерѣдко проповѣдуютъ и совершаютъ насилія противъ тѣхъ, которыхъ они считаютъ врагами своихъ стремленій. А тѣ, которые страдаютъ отъ насилій, причиняемыхъ первыми, вторыми, третьими и четвертыми, въ свою очередь стараются воздать имъ, по древнему закону возмездія, око за око и зубъ за зубъ.

И вслѣдствіе этого одни изъ васъ, вѣрующіе, отрекаются отъ Христа, завѣщавшаго любить и прощать всѣхъ людей, снова распинаютъ Его своими злыми дѣлами и тѣмъ самымъ задерживаютъ пришествіе возвѣщеннаго Имъ царства Божія и лишаются вѣчной жизни, ибо, по слову апостола, „никакой челоуѣкоубійца не имѣетъ жизни вѣчной“ (1 Іоан. III, 15), а другіе, невѣрующіе, своею проповѣдью и дѣлами насилія отрекаются отъ чувствуемой ими истины—любви къ людямъ, топчутъ въ грязь исповѣдуемое ими ученіе о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, и тѣмъ самымъ задерживаютъ его осуществленіе, отталкивая отъ себя однихъ,—

тѣхъ, которымъ противно насиліе,—и возбуждая въ другихъ взаимную вражду и братоубійственную войну.

Поэтому, во имя любви ко Христу, во имя любви къ нашему народу, и безъ того уже измученному всякаго рода насиліями, во имя любви къ вамъ, мы умоляемъ васъ, братья и сестры: перестаньте дѣлать другъ другу зло и начните дѣлать всѣмъ одно лишь добро, потому что только осуществляя въ своей жизни любовь безъ насилія, мы можемъ достигнуть того царства Божія, царства свободы, равенства и братства, которое проповѣдалъ еще Христосъ и къ которому мы всѣ стремимся, но которое до сихъ поръ потому именно и не достигнуто нами, что мы стремились къ нему путемъ насилія.

Только путемъ любви и основанныхъ на ней общежитій мы можемъ достигъ этого царства, какъ уже и достигнуто оно тѣми христіанскими общинами, которыя создавались такимъ именно путемъ. Такимъ же путемъ создавались и первыя христіанскія общины, члены которыхъ, по свидѣтельству „Дѣяній Апостоловъ“, имѣли „одно сердце и одну душу, никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее, не было между ними никого пуждающагося, и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду“ (Дѣян. IV, 32—35). И зная, какъ хороша жизнь этихъ людей, мы и сами стремимся и васъ всѣхъ зовемъ къ ней, надѣясь, что и вы, какъ они, найдете въ ней то, чего жаждетъ человѣческая душа.

Довольно же вражды и насилій, довольно ими распинать Христа, пора снять Его съ креста и приступить къ устроению такой жизни, въ которой Онъ могъ бы, наконецъ, воцариться между нами во всей своей славѣ, т.-е. въ полной любви, свободѣ, равенствѣ, братствѣ и счастіи всѣхъ людей.

Московскіе христіане.

(Черезъ брата И. М. Трегубова).

Притча о богачахъ.

Глава 1.

— Читали ли вы притчу Иисуса Христа о Богачѣ и Нищемъ Лазарѣ?

— Конечно читали, и многіе изъ васъ навѣрное знаютъ ее наизусть.

Но приходилъ ли вамъ въ голову при чтеніи этой притчи весьма существенный вопросъ: „За что же именно богачъ попалъ въ адъ?“

Изъ притчи этого не видно—о богачѣ говорится только, что онъ широко пользовался своими богатствами и больше ничего; конечно это нехорошо, но скорѣе въ смыслѣ гигиеничномъ—вредно, молъ, излишествовать.

Но все-таки за такой повидимому неважный проступокъ отпирать безъ всякихъ разговоровъ, можетъ быть вполне порядочнаго человѣка, въ адъ, какъ-то чересчуръ жестоко и даже несправедливо...

Когда мнѣ пришла въ голову такая мысль, то я захотѣлъ найти самый правильный и законный отвѣтъ на этотъ любопытный вопросъ: Я обратился къ „Толковому Евангелію“ епископа Михаила и прочелъ его толкованіе на притчу о богачѣ и нищемъ Лазарѣ. Это толкованіе меня совсѣмъ не удовлетворило, и вотъ почему: объясняя слова притчи, гдѣ Авраамъ говоритъ богачу: „Чадо! вспомни, что ты получилъ уже доброе твое въ жизни твоей, а Лазарь—злое: нынѣ же онъ здѣсь утѣшается, а ты страдаешь“, толкователь пишетъ: „представляется, что Лазарь блаженствуетъ только потому, что страдалъ на землѣ, а богачъ терпитъ мученія потому только, что благоденствовалъ въ земной жизни. Но безъ сомнѣнія (это „безъ сомнѣнія“ очень характерно), что здѣсь отвѣтъ необходимо *дополнить* тою мыслью, что Лазарь при своихъ бѣдствіяхъ былъ праведенъ, а богачъ при своемъ богатствѣ былъ нечестивъ, не умѣя надлежащимъ образомъ употреблять богатства своего“.

Изъ этого толкованія явствуетъ, что Христось или Евангелистъ Лука, записавшій эту притчу, сдѣлалъ весьма существен-

ное упущение, именно въ томъ, что ничего не сказано о добродѣтеляхъ Лазаря и о нечестіи богача, благодаря чему притча утратила тотъ смыслъ, какой хотѣлъ ей придать толкователь Михаилъ: жилъ, дескать, богатый грѣшникъ и *за грѣхи свои, а не за богатство* попалъ въ адъ, и жилъ бѣдный праведникъ, который *за свою праведность, а не за бѣдность* попалъ въ рай.

Само собой разумѣется, что при такомъ толкованіи вопросъ о богатствѣ богача и бѣдности бѣдняка отходить на задній планъ и уступаетъ мѣсто печестію или грѣховности богача и праведности бѣдняка Лазаря.

Оно, конечно, для людей, располагающихъ извѣстнымъ болѣе или менѣе значительнымъ состояніемъ, пріятно было бы принять такое толкованіе притчи, но въ томъ-то и бѣда, что при такомъ толкованіи притча эта совершенно утрачиваетъ свой первоначальный смыслъ и становится не притчей „о богачѣ и нищемъ“, а притчей „о грѣшникѣ и праведникѣ“, и авторомъ ея является уже не Христосъ, а епископъ Михаилъ.

А мнѣ хочется найти такое объясненіе притчи Христа о богачѣ и нищемъ Лазарѣ, при которомъ не требовалось бы никакихъ измѣненій и дополненій къ тексту Христовой притчи, записанной евангелистомъ Лукою, поэтому обратимся-ка непосредственно къ самому тексту притчи:

„Нѣкоторый человекъ былъ богатъ, одѣвался въ порфиру и виссонъ и каждый день пиршествовалъ блистательно. Иными словами, жилъ себѣ человекъ, располагавшій громадной личной собственностью, и считая себя безспорнымъ, безраздѣльнымъ и безконтрольнымъ обладателемъ этой собственности, широко ею пользовался, доставляя себѣ всевозможныя удовольствія и наслажденія, какія только могъ купить цѣною своихъ богатствъ.

„Былъ также нѣкоторый нищій, именемъ Лазарь, который лежалъ у воротъ его въ струньяхъ и желалъ напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струнья его“.

Ничего особеннаго въ такомъ сопоставленіи нѣтъ: живетъ себѣ богачъ и широко пользуется своими богатствами, и тутъ же у воротъ его дома ютится бѣднякъ и бѣдствуетъ.

Такіе контрасты, т.-е. противоположности мы и теперь встречаемъ на каждомъ шагу.

Вотъ, напримѣръ, сидитъ на балконѣ своей уютной, роскошно убранной квартиры предсѣдатель земельного и еще какого-то другого банка, и изволить кушать какое-то очень красиво по-

данное и очевидно превкусное блюдо. Лакей во фракѣ, бѣлыхъ перчаткахъ и англійскихъ бакенбардахъ служитъ ему. По бокамъ банкира сидятъ два очень почтенныхъ господина и кадятъ ему, не въ носъ, а въ уши фиміама въ видѣ тонкой лести. Банкиръ улыбается—ему пріятно, легко, вкусно и тепло.

А тутъ же за рѣшеткой его балкона, на холодномъ, каменномъ тротуарѣ стоитъ оборванная, босая дѣвчонка и продаетъ букетики еще нераспустившихся ландышей.

— Купите, баринъ добрый, хорошій, купите!—пристаётъ она къ прохожимъ, но никто не покупаетъ ея нераспустившихся ландышей и она по цѣлымъ днямъ торчитъ голодная все на томъ же мѣстѣ и скоро догадается, что съ ландышами далеко не уѣдешь: проходящіе мимо господа обращаютъ гораздо больше вниманія на ея хорошенькое, хотя худое и грязное личико, нежели на глуные ландыши и, конечно, въ концѣ концовъ она пойметъ, чего нужно этимъ господамъ и станетъ продавать имъ не ландыши, а свое собственное тѣло.

Увы, эта ужасная, но, къ сожалѣнію, чрезвычайно обыкновенная драма пройдетъ совершенно незамѣченной для того господина, который тутъ же въ десяти шагахъ каждый день присутствуетъ блистательно. Да и въ самомъ дѣлѣ: какое дѣло богачу, что у воротъ его дома валяется голодный нищій, покрытый струпами?

Какое дѣло банкиру, что за рѣшеткой его балкона отъ голода и холода впадаетъ въ развратъ уличная дѣвчонка.

Ни тотъ, ни другой ни у кого ничего не отнимаютъ, никого не обманываютъ, а пользуются своимъ состояніемъ по своему личному усмотрѣнію; а если у порога или за рѣшеткой есть больные и нищіе, то навѣрное большинство изъ нихъ впали въ нищету благодаря своей лѣни, пьянству и тунеядству...

И дѣйствительно, я не знаю какими путями нажилъ свое состояніе богачъ, о которомъ говорить въ своей притчѣ Христосъ,—но думаю, что самымъ законнымъ образомъ, иначе Христосъ непременно упомянулъ бы о томъ, что богатства свои онъ нажилъ различными нечистыми дѣлишками; что же касается банкира, то мнѣ достовѣрно извѣстно, что его состояніе нажито самымъ законнымъ, самымъ безупречнымъ путемъ: громадное количество акцій онъ получилъ по наслѣдству, въ директоры банковъ онъ избранъ потому, что онъ является однимъ изъ крупнѣйшихъ акціонеровъ этихъ банковъ, а веденіе удачной

биржевой игры онъ всецѣло приписываетъ своимъ финансовымъ способностямъ и нѣкоторымъ связямъ.

Впрочемъ, онъ удѣляетъ порядочно денегъ на различныя благотворительныя учрежденія и даже иногда произноситъ трогательныя рѣчи о различныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ поднятію экономическаго благосостоянія меньшей братіи (такъ онъ называетъ мужиковъ). Кромѣ того я навѣрное знаю, что этотъ банкиръ бываетъ въ церкви, ежегодно говѣеть и даже первую и послѣднюю недѣлю Великаго Поста ѣстъ постную пищу. (Какую въ это время у него можно найти зернистую икру, смаровъ и всевозможныхъ грибовъ—такъ это просто объяденіе!).

Неужели же такой, вполне порядочный человекъ, подлежитъ безсрочному заключенію въ адъ только за то, что онъ богатъ? Этотъ тяжелый вопросъ очевидно давно уже приходилъ въ голову богачамъ и въ угоду имъ, не только епископъ Михаилъ въ своемъ „Толковомъ Евангеліи“, но даже и знаменитый Филаретъ въ своемъ православномъ катехизисѣ стараются тихонько прикрыть передъ богачами широкія ворота, ведущія въ адъ, и любезно открыть предъ ними узенькую форточку, ведущую въ Царство Небесное.

Вотъ, на примѣръ, что говоритъ катехизисъ Филарета въ толкованіи ученія Христа о блаженствахъ

Вопросъ: Могутъ ли быть нищими духомъ и богатые?

Отвѣтъ: Безъ сомнѣнія могутъ, если *помыслятъ*, что видимое богатство есть тлѣнно и скоропроходяще и, что оно не замѣняетъ недостатка благъ духовныхъ:—и далѣе.

Вопросъ: Что обѣщаетъ Господь нищимъ духомъ?

Отвѣтъ: Царство Небесное.

Такимъ образомъ изъ катехизиса Филарета явствуетъ, что богатымъ вполне доступно Царство Небесное, для этого имъ нужно только *помыслить*, что видимое богатство есть тленно и скоропроходяще и что оно не замѣняетъ недостатка благъ духовныхъ; это удивительно легкій и пріятный способъ къ занятію одного изъ вакантныхъ мѣстъ въ Царствѣ Небесномъ; но въ томъ то и бѣда, что такое успокоительное для богачей толкованіе катехизисомъ Филарета изреченія Христа о нищихъ духомъ, явно противорѣчитъ притчѣ о богачѣ и нищемъ Лазарѣ и совершенно не вяжется съ классическими словами Христа, сказанными по поводу *добротѣльнаго* но *богатаго* юноши: (Матѣ. 19, 23) „Истинно говорю вамъ, что трудно богатому войти въ Царство Небесное.“

И еще говорю вамъ: удобнѣе верблюду пройти сквозь иголь-
ныя уши, нежели богатому въ Царство Божіе“.

Ужъ тутъ никакими толкованіями невозможно измѣнить
смыслъ изреченія Христа по адресу добродѣтельнаго богача—и
слѣдовательно, какими бы добродѣтелями или, какъ ихъ назы-
ваетъ катехизисъ, благами духовными ни располагалъ богачъ,
двери въ Царство Небесное для него закрыты и слѣдовательно
въ самомъ богатствѣ т.-е. въ обладаніи громадной личной соб-
ственностью заключается, по мнѣнію Христа, такой великій грѣхъ,
что никакія добродѣтели не могутъ его загладить.

Что же собственно такого *особенно грѣховнаго*, такого преступ-
наго въ обладаніи богатствомъ, и почему Христосъ, столь миро-
любивый къ различнымъ грѣшникамъ и грѣшницамъ, такъ *безпо-*
щаденъ къ богачамъ?

Постараюсь отвѣтить на этотъ вопросъ рядомъ примѣровъ.

В. И. Головня.

м. Рѣшетиловка
Полтав. г.

Любовь къ Богу и любовь къ человѣку въ ихъ взаимоотношеніи.

На сихъ двухъ заповѣдяхъ утвер-
ждается весь законъ и пророки.

Еванг. Матѣ. XXII. 40.

Богъ есть любовь.

I. Посл. Іоанна, IV. 8. 16.

I.

Какъ нельзя правильно опредѣлить
часть, не зная цѣлаго, такъ нельзя и
истинно полюбить часть, т.-е. человѣка,
не любя Цѣлаго, т.-е. Бога.

Если я вдумаясь въ свое чувство любви къ какому-нибудь
данному человѣку, то неминуемо найду въ этомъ чувствѣ двѣ
составныя части.

Во-1-хъ, пристрастіе—предпочтеніе этого человѣка всѣмъ
другимъ существамъ, дѣлающее меня способнымъ изъ любви къ
данному человѣку жертвовать не столько собственными выго-

дами, сколько выгодами всѣхъ окружающихъ. Причемъ чувство это, если ничѣмъ не будетъ сдерживаемо во мнѣ, можетъ, подобно грубому себялюбію, разрастаться до чудовищныхъ размѣровъ.

И, во-2-хъ,—любовь къ чему-то такому, что ставитъ мое пристрастіе къ ближнему въ извѣстные предѣлы.

Что же это такое, что ставитъ предѣлы моему пристрастію къ ближнему?

Скажутъ, что это себялюбіе,—любовь къ своей собственной личности.

Нельзя не согласиться, что до извѣстной степени пристрастіе къ ближнему ограничивается во мнѣ пристрастіемъ къ самому себѣ.

Но, насколько мой пылъ пристрастія къ ближнему дѣйствительно можетъ умѣряться между прочимъ и моимъ пристрастіемъ къ себѣ, настолько моя склонность вредить окружающимъ изъ пристрастія къ ближнему уже навѣрное умѣрится не себялюбіемъ моимъ, а чѣмъ-то совсѣмъ другимъ.

И вотъ это другое, ставящее предѣлъ моей неприязни къ постороннимъ людямъ, возникающей на почвѣ пристрастія къ данному человѣку, и есть *любовь къ Богу*.

Когда это послѣднее чувство не вполне сознано нами, тогда мы называемъ его другими, менѣе значительными именами: вѣжливостью, деликатностью, справедливостью, гражданскою доблестью и т. п. Когда же мы глубже вникаемъ въ него, то видимъ, что оно есть не что иное, какъ любовь къ Богу.

Указанные мною три рода любви,—къ себѣ, Богу и ближнему.—упоминаемы въ заповѣдяхъ Христа о любви къ Богу и ближнему (Мѣ. XXII. 35—40, Маркъ XII. 28—34; Лука X. 25—28; Второз. VI. 5; Левитъ XIX. 18) никогда не наблюдаются въ людяхъ въ отдѣльности, а всегда вмѣстѣ, и притомъ такъ, что одинъ родъ любви преобладаетъ надъ другимъ или надъ третьимъ.

Если надъ любовью къ Богу и ближнему въ человѣкѣ преобладаетъ любовь къ своей личности, то этотъ человѣкъ—себялюбецъ.

Если надъ любовью къ себѣ и Богу въ человѣкѣ преобладаетъ любовь къ ближнему, то этотъ человѣкъ—пристрастный человѣкъ. Причемъ въ зависимости отъ того, къ чему будетъ проявляться пристрастіе, оно получитъ соотвѣтствующее названіе.

Пристрастіе къ семьѣ есть семейное себялюбіе.

Пристрастіе къ извѣстной вѣрѣ есть фанатизмъ.

Пристрастіе къ своей народности есть патриотизмъ. И. т. д.

И наконецъ, если надъ любовью къ себѣ и ближнему преобладаетъ въ человѣкѣ любовь къ Богу, то этотъ человѣкъ есть религіозный человѣкъ.

II.

Люби ближняго твоего какъ самого себя. Лев. XIX. 18.

Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ. Іоаннъ XV. 13.

Въ евангеліи сказано, что ближняго должно любить какъ себя. Это обозначаетъ, что какъ я хочу, чтобы поступали люди со мною, такъ я долженъ поступать и съ ними (Матѣ. VII. 12, Лука VI. 31).

Но Христосъ сказалъ еще, что нѣтъ больше той любви, какъ если кто душу свою (жизнь свою) положить за друзей своихъ (Іоаннъ XV. 13). Эти слова, будучи сопоставлены съ другими изреченіями Христа о необходимости любви не къ однимъ только любящимъ насъ,—друзьямъ нашимъ,—а и къ ненавидящимъ насъ,—врагамъ нашимъ,—обозначаютъ уже, что я могу стоять на такой нравственной высотѣ ¹⁾, что не стану „хотѣть“ и ждать отъ людей такихъ же поступковъ въ отношеніи къ себѣ, какія я буду совершать въ отношеніи къ нимъ. А отсюда вытекаетъ то, что ближняго своего я долженъ любить уже не *какъ себя*, а больше, чѣмъ себя.

— Какъ же такъ? То Христосъ предписываетъ любить ближняго *какъ себя*, то велитъ любить его *больше себя*?

— Да. И то, и другое!

— Но вѣдь это явное противорѣчіе?

— И тѣмъ не менѣе тутъ нѣтъ противорѣчія.

— Почему же?

Потому что еслибы на ряду съ указаніями о любви къ *себѣ* и къ *ближнему* у Христа не было еще главнаго указанія о любви

¹⁾ Т.-е., ступени нравственности.

къ Богу, то дѣйствительно обѣ мѣрки любви къ ближнему, — и „какъ себя“ и „больше себя“, — противорѣчили бы другъ другу, ибо при отсутствіи любви къ Богу не было бы мѣста для совершенствованія въ любви. Но такъ какъ Христосъ сдѣлалъ намъ это главное указаніе о любви къ Богу, способствующее нашему совершенствованію въ любви, то слова „какъ себя“ и „больше себя“ обозначаютъ уже не противорѣчіе, а крайнія границы, въ которыхъ можетъ проявляться человѣческая любовь къ ближнему.

Требованіе любить ближняго *какъ себя* намѣчаетъ возможную меньшую степень этой любви, — указываетъ уровень, ниже котораго человѣкъ не долженъ позволять себѣ спускаться.

Требованіе же полагать жизнь за друзей своихъ указываетъ возможную наибольшую степень, предѣлъ — идеаль любви, выше котораго человѣкъ, совершенствуясь въ любви въ своей земной жизни, не можетъ подняться.

III.

Мы имъ живемъ, и движемся, и существуемъ.

Дѣян. XVII. 28.

Но какъ возлагать надежды на облагораживающее нашу любовь къ ближнимъ свойство любви къ Богу, когда въ лучшемъ случаѣ можно встрѣтить въ людяхъ слѣдующее отношеніе къ заповѣди о любви къ Богу:

— Не чувствую я любви къ Богу, а такъ какъ къ тому же Онъ невидимъ и неосязаемъ, то и не вѣрю въ возможность любви къ Нему. Богъ для меня необходимъ только по умственнымъ соображеніямъ. Поэтому Онъ только отвлеченно, мысленно, а не на самомъ дѣлѣ существуетъ для меня.

— Если бы люди были искренни, то большинство изъ нихъ должны бы были откровенно высказываться такъ, потому что несомнѣнно огромное большинство изъ такъ называемыхъ христіанъ думаютъ такъ.

Но такъ какъ люди малодушны, трусливы и потому неискренни, то молчатъ о своихъ коренныхъ сомнѣніяхъ, только съ внѣшней стороны стараясь казаться безупречными въ дѣлахъ вѣры.

Послѣдствіемъ же такого молчанія по пословицѣ „дѣтя не плачеть—мать не разумѣеть“ является то, что самыя важныя и коренныя вопросы вѣры у насъ остаются неразъясненными и неразрѣшенными со стороны тѣхъ, кому это доступно.

Къ такимъ вопросамъ прежде всего принадлежитъ вопросъ о любви къ Богу.

Такъ какъ я глубоко убѣжденъ, что Бога можно не только мыслить, но и чувствовать, и любить, хотя самъ и далеко не въ той степени люблю Его и чувствую, въ какой бы хотѣлъ, то и попытаюсь показать здѣсь, какъ это возможно и откуда и изъ какого источника эта возможность исходить или на чемъ основывается.

Какъ ни странно это сказать, но источникъ, изъ котораго эта возможность любви исходить, есть то же начало, на которое она и направляется. Иными словами, Бога потому любить возможно, что Онъ же и даетъ намъ эту возможность. Такъ что одновременно Онъ есть и Тотъ, кого мы любимъ, и Тотъ, кто любить въ насъ.

Вѣдь никто не станетъ отрицать существованіе такихъ корыстныхъ людей, которые бы любили въ своихъ ближнихъ только предметъ своей корысти.

Отчего же не допустить и противоположнаго, а именно существованія такихъ людей, которые любили бы въ своихъ ближнихъ предметъ своихъ высшихъ духовныхъ исканій?

Понятно отсюда, почему и полюбить-то нельзя человѣка, какъ такового, а непременно въ каждомъ данномъ человѣкѣ полюбишь или себя же, или же то, что больше себя любишь въ себѣ, т.-е. Бога.

А разъ будетъ миль миль человѣкъ не самъ по себѣ, а благодаря Богу, въ немъ живущему, то стало быть не то удивительно, какъ я могу любить Невидимое безъ видимаго, Его воплощающаго, а скорѣе то, какъ я могу полюбить видимое безъ Невидимаго, въ немъ живущаго.

Такимъ образомъ, если мы, хоть немного вдумаясь въ то, что есть дѣйствительный предметъ нашей любви, то поймемъ, что этотъ предметъ не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ Богомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, видимое безъ Невидимаго, въ немъ живущаго, есть не что иное, какъ безформенная, мертвая масса матеріи—хаосъ. Не даромъ ветхозавѣтное сказаніе говоритъ, что

до сотворенія міра былъ хаосъ и что Духъ Божій носился надъ этимъ хаосомъ.

Вотъ и попробуйте полюбить хаосъ! Очевидно, — это невозможно. И эта-то невозможность полюбить хаосъ и есть главное доказательство того, что прежде всего и во всемъ мы любимъ то, что даетъ хаосу, т. е. мертвому веществу, — сначала какую-нибудь форму, заранѣе живущую въ нашемъ представленіи, потомъ движеніе, свойственное и намъ, потомъ цѣлесообразность, потомъ жизнь и т. д. и т. д. А такъ какъ все это не отъ чего иного, какъ отъ Бога, то стало быть Его то прежде всего не только отвлеченно, т. е. въ мысляхъ своихъ, признаемъ необходимымъ, какъ скрывающуюся во тьмѣ временъ причину всего сущаго, а и любимъ, и чувствуемъ, и сами живы Имъ однимъ ¹⁾.

IV.

Да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино...

Іоаннъ XVII. 21.

Если бы Христосъ только между прочимъ коснулся единства всѣхъ людей въ Богѣ, то выраженіе его „всѣ едино“ представляло бы изъ себя лишь пустыя, красивыя слова, о значеніи которыхъ нѣ стоило бы и говорить. Но, такъ какъ изъ единства въ Богѣ Христосъ выводитъ и свое посланничество отъ Бога (Іоаннъ XVII. 21, 23), и сыновность всѣхъ людей Богу, и братство, и равенство ихъ между собою, то выраженіе его „всѣ едино“ слѣдуетъ разсматривать уже какъ высшую, основную мысль, на которой, какъ на фундаментъ, построено все христіанство, какъ ученіе о нравственности, т. е. о должномъ поведеніи челоуѣка, и изъ котораго вытекаетъ съ одной стороны опредѣленіе евангельской любви, а съ другой запрещеніе утверждать себя въ своей личности, обособленности.

Если мы вникнемъ въ глубокой смыслъ основоположенія Христа о единствѣ всѣхъ людей въ Богѣ, то увидимъ, что оно касается тутъ не объединенія, или сплоченія, какъ внѣшняго

¹⁾ См. эпиграфъ, поставленный мною передъ этой главою.

послѣдствія любви, а того единства всѣхъ людей въ ихъ божественной сущности, которое заложено въ нихъ „отъ начала“ и которое само служитъ источникомъ того, что мы ощущаемъ въ себѣ какъ любовь.

Такъ что *любовь, какъ испытываемое нами чувство*, есть таинственная сила, восстанавливающая, коренное, такъ сказать „отначальное“ единство всѣхъ людей въ духовной сущности міра, — Богъ, нарушенное уже самымъ появленіемъ нашимъ въ этотъ вещественный міръ множества.

Любовь же, какъ сущность жизни, есть уже само это единеніе наше въ Богѣ, — единеніе, въ которомъ и коренится испытываемое нами чувство любви.

Любовь, какъ чувство, приводящее насъ къ самоотреченію, было бы непостижимо и потому бессмысленно для насъ, если бы въ основѣ его не лежало то коренное единство людей, во имя котораго отрицаются и расторгаются предѣлы личности, обособленности.

Говоря вообще, любовь можно опредѣлить какъ ощущаемый нами внутри себя всѣмъ вытннй отголосокъ той міровой сущности, для которой и не можетъ быть никакого раздѣленія, или множества по той причинѣ, что она отъ начала едина и нераздѣльна.

Испытываемое же нами чувство влеченія къ существамъ намъ дорогимъ, пріятнымъ, носящее въ противоположность себялюбію (эгоизму) искусственное названіе альтруизма, есть не любовь, а все то же себялюбіе, только скрывающееся подъ благопристойной оболочкой.

Признавать себя вполне отдѣльнымъ существомъ отъ всѣхъ другихъ существъ, такъ же неосновательно, какъ предполагать, что каждый членъ человѣческаго тѣла, имѣя свою особую способность осязанія, представляетъ изъ себя отдѣльное существо.

Насколько то, что человѣкъ способенъ чувствовать боль уже въ давно отнятой у него ногѣ, доказываетъ, что чувствительность наша сосредоточена въ одномъ мѣстѣ, несмотря на то, что каждый членъ человѣческаго тѣла какъ бы имѣетъ свою собственную способность осязанія, — настолько и то, что одинъ человѣкъ способенъ сострадать и сорадоваться другому, видимому совершенно отдѣльному отъ него, существу, доказываетъ единство людей въ духѣ, несмотря на то, что каждый

отдѣльный человекъ часто склоненъ любить, жалѣть и знать только себя одного.

Если ту самую ногу, которую два года уже отдѣлили отъ человека и которая похоронена въ землѣ, онъ чувствуетъ совершенно такъ же, какъ чувствовалъ ее до отнятія, то, стало быть, условіемъ ощущенія ея является не одна только внѣшняя неразрывность съ нею, а какая-то болѣе тонкая и вмѣстѣ прочная связь съ нею, которая, какъ видно, не могла быть нарушена даже тѣмъ, что ее отрѣзали.

Не подобнымъ ли свойствомъ обладаютъ и людскія отношенія?

Не тѣлесныя узы родства, не личныя привязанности и страстія и даже не общность сословныхъ или общенародныхъ интересовъ, а духовное единство людей въ Богѣ—вотъ что должно лежать въ основѣ человѣческихъ отношеній.

Какъ видите, возлагать надежду на любовь къ Богу, облагораживающую нашу любовь къ ближнему, мы вполне можемъ, такъ какъ любовь къ Богу не только не выдумана нами, но даже не есть чувство наше въ общепринятомъ значеніи этого слова, а есть само проявленіе того единого, живущаго во всѣхъ насъ Бога, дѣйствительную связь съ которымъ мы сочли было отсутствующею въ насъ.

V.

Идущій Моя плоть и Пьющій Мою кровь пребываетъ во Мнѣ, и Я въ Немъ.
Іоаннъ VI. 56.

Вполнѣ естественно, что большинству людей, вовсе не подозревающихъ о существованіи нашей внутренней связи съ Богомъ, такъ просто объясняемой Христомъ нашимъ духовнымъ единствомъ въ Богѣ, а потому не понимающихъ и не цѣнящихъ этой таинственной связи, недоступно пониманіе и взаимоотношеніе двухъ главныхъ евангельскихъ заповѣдей о любви къ Богу и къ ближнему.

Въ виду этого мы и перейдемъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію этого взаимоотношенія.

Изъ приведеннаго выше евангельскаго текста: „больше той любви никто не имѣетъ, какъ кто душу свою положить за друзей своихъ“ (Іоаннъ XV. 13), опредѣляющаго мѣру высшей любви

къ человѣку, имѣють обыкновеніе дѣлать тотъ выводъ, что ради одного изъ проявленій жизни духа,—любви къ человѣку,—можно пожертвовать, пренебречь другимъ проявленіемъ жизни духа—требованіемъ совѣсти жить по правдѣ.

Я долженъ сказать, что выводъ этотъ не только неправиленъ, но и кощунственъ, такъ какъ представляетъ изъ себя хулу на Св. Духа.

Если бы Христосъ допускалъ пренебреженіе одними проявленіями жизни духа ради торжества другихъ, то тѣмъ самымъ произвелъ бы то, что царство правды расколосось бы, „раздѣлилось само въ себѣ“, слѣдствіемъ чего и оказалась бы та „непростительная“ хула на Св. Духа, противъ которой онъ такъ предостерегалъ людей.

Причины перетолкованія приведенныхъ словъ Христа слѣдующія:

Съ одной стороны люди во что бы то ни стало хотятъ защитить ученіе о средствахъ, оправдываемыхъ цѣлью, т.-е., что ради хорошей цѣли можно допустить дурныя средства.

Съ другой же стороны они неправильно понимаютъ въ приведенномъ текстѣ слово „душа“. Подъ душой, „положенія“ которой за друзей требуетъ Христосъ, никакъ нельзя понимать жизнь духа, а, какъ ни страшно это сказать, непременно жизнь тѣла, что видно изъ слѣдующихъ словъ Христа: „Кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ душу свою ради меня, тотъ обрѣтетъ ее“. (Мѡ. XVI. 25).

Въ примѣчаніи, поясняющемъ въ евангеліи слово „душа“ въ приведенномъ текстѣ, сказано, что душа—это жизнь; но такъ какъ жизнью—двѣ: та, которую Христосъ велитъ приослать въ жертву, и та, которая пріобрѣтается такою жертвою, то очевидно, что жизнь, приносимая въ жертву,—это жизнь тѣла, а жизнь, пріобрѣтаемая цѣной такой жертвы, есть жизнь духа.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Христа, роль жизни тѣла—это роль условія, или матеріала, даннаго намъ для проявленія жизни-духа. Роль тѣла по отношенію къ духу та же, что и роль свѣчи по отношенію къ пламени. Какъ пламя есть начало, поѣдающее свою свѣчу, такъ и духъ Божій есть начало, поѣдающее свой матеріалъ—тѣло (Іоанна VI. 56) ¹⁾.

¹⁾ См. статью мою: „Опроверженіе таинства причащенія по даннымъ евангелія“.

„Ядущій мою плоть и пьющій мою кровь пребываетъ во мнѣ и я въ Немъ“,—сказалъ Христосъ (Иоаннъ VI, 56).

И это ядущее и пьющее плоть и кровь цашу Начало есть Духъ Божій, о пребываніи котораго внутри себя и себя въ Немъ Христосъ упоминаетъ и въ другихъ мѣстахъ:

„Отецъ во мнѣ, и я въ Немъ“ (Иоаннъ X 38).

„Я въ Отцѣ и Отецъ во мнѣ“ (Иоаннъ XIV 10).

„Вѣрьте мнѣ, что я въ Отцѣ и Отецъ во мнѣ“ (Иоаннъ XIV. 11).

VI.

На сихъ *двухъ* заповѣдяхъ утверждается законъ и пророки; Мате. XXII. 40.

По неправильному толкованію текста о „положеніи“ души своей за друзей выходитъ, что изъ любви къ ближнему можно допустить и ложь, и зло,—что ради жизни духа можно жертвовать жизнью же духа. Т.-е., вмѣсто того, чтобы признать вмѣстѣ съ Христомъ, что духъ долженъ съѣдать тѣло, какъ свой матеріалъ, допускается, чтобы онъ уничтожалъ, пожиралъ самого себя.

Это допущеніе стоитъ въ связи еще съ тѣмъ, что толкователи текста руководствуются одною только евангельскою заповѣдью—о любви къ ближнему; другую же заповѣдь—о любви къ Богу—въ данномъ случаѣ забываютъ: ее „съѣла“ заповѣдь о любви къ ближнему. А между тѣмъ, все евангельское ученіе построено не на одной, а именно на двухъ заповѣдяхъ: *любви къ Богу и къ ближнему*. Причемъ взаимное ихъ отношеніе другъ къ другу таково, что онѣ, по выраженію М. Н. Толстого, подобно двумъ пересекающимся подъ прямымъ угломъ линіямъ, напимѣрь, меридіану съ экваторомъ¹⁾ должны опредѣлять другъ друга. Въ самомъ дѣлѣ, предѣлъ любви къ ближнему, какъ я сказалъ выше, указывается заповѣдью о любви къ Богу, а лю-

¹⁾ Меридіанъ съ экваторомъ суть воображаемыя круговыя линіи, крестнакрестъ пересекающія земной шаръ. Посредствомъ градусной сѣти, образующейся отъ пересѣченія подъ прямымъ угломъ 360-ти полумеридіановъ съ экваторомъ и съ параллельными ему другими кругами опредѣляютъ положеніе всякаго мѣста на земномъ шарѣ.

бовь къ Богу опредѣляется, а лучше сказать, выполняется черезъ любовь къ ближнему (Мѣ. XXV. 40).

Толкователи же взяли да и вычеркнули заповѣдь о любви къ Богу, благодаря чему изъ любви къ ближнему стало дозволено жертвовать не только тѣломъ своимъ, но и совѣстью.

За обратными случаями забвенія заповѣди о любви къ ближнему въ пользу мнимаго выполненія заповѣди о любви къ Богу, служенія Богу намъ недалеко ходить, они на глазахъ у всѣхъ. Эти случаи предусмотрѣны Христомъ въ его словахъ: „Что вы зовете меня: Господи! Господи! и не дѣлаете того, что я говорю? (Лука, VI. 46) и выражаются въ такъ называемомъ богослуженіи, совершаемомъ въ храмахъ современными жрецами-священниками.

VII.

Добрый человѣкъ изъ добраго сокровища сердца своего выноситъ доброе; а злой человѣкъ изъ злого сокровища сердца своего выноситъ злое. Лука VI. 45.

Насколько даже въ людяхъ вѣрующихъ и притомъ съ такъ называемымъ высшимъ образованіемъ отсутствуетъ малѣйшее пониманіе взаимоотношенія двухъ евангельскихъ заповѣдей, можетъ служить отзывъ одного моего знакомаго, окончившаго курсъ въ университетѣ, о мнѣніи Л. Н. Толстого по этому предмету.

Касаясь занимающаго насъ вопроса о безусловности нравственнаго мѣрила ¹⁾, благодаря которой нравственное совершенство, какъ божеское достояніе, а не какъ личная принадлежность человѣка, не можетъ быть предметомъ, такъ сказать, отчужденія, — самоотверженія, Л. Н. Толстой высказалъ слѣдующую мысль: „Какъ нелѣпъ доводъ враговъ нравственнаго совершенствованія о томъ, что человѣкъ истинно самоотверженный пожертвуетъ своимъ совершенствомъ для блага другихъ, т.-е. что человѣкъ готовъ стать дурнымъ, чтобы поступать хорошо!“

Обсуждая эту мысль Л. Н. Толстого въ своемъ письмѣ къ мнѣ, мой знакомый даетъ о ней слѣдующій отзывъ:

„Человѣкъ, рѣшившійся стать дурнымъ, чтобы поступить

¹⁾ Т.-е., что человѣческая жизнь по правдѣ, по волѣ Божьей имѣетъ цѣну сама по себѣ, независимо отъ вызываемыхъ ею внѣшнихъ послѣдствійхъ.

хорошо, оправдывается передъ Богомъ и не загрязняетъ чистоты своей души уже потому, что жертвуетъ для другого во имя любви своимъ совершенствомъ. Поступая такъ, онъ возвращаетъ себѣ свое совершенство въ томъ случаѣ, если искренно жертвуетъ имъ. Искренность же чувствуется!

„Стоитъ человѣку отрѣшиться отъ себя“,—продолжаетъ мой знакомый, т.-е., стать дурнымъ, чтобы поступить хорошо, какъ возникаетъ къ нему любовь, а вмѣстѣ съ любовью и общее уваженіе къ тому, отъ чего онъ отрѣшился во имя любви“.

Признаюсь откровенно. что при чтеніи этого отзыва я прямо таки испытывалъ удовольствіе человѣка, долго, напримѣръ, искавшаго причину неудачи своихъ научныхъ изысканій или опытовъ и наконецъ открывшаго ее.

Въ самомъ дѣлѣ, мы долго и упорно ищемъ причину всевозможныхъ несчастій, удручающихъ человѣчество, предполагаемъ ее въ чемъ угодно: и въ общественномъ нестройствѣ, и въ нравственномъ несовершенствѣ, и въ недостаткѣ матеріальныхъ благъ,—а не догадываемся, что ларчикъ просто открывается, т.-е., что причина всѣхъ золъ лежитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ господствѣ мысли, положенной моимъ знакомымъ въ основу своего отзыва.

Мы все такъ глубоко убѣждены, что для того, чтобы поступать хорошо, можно и даже иногда необходимо сдѣлаться дурнымъ, что наводнили весь міръ своими дурными средствами, оправдываемыми нами хорошими цѣлями. Но сравните плоды, принесенные этими дурными средствами, съ тѣми цѣлями, во имя которыхъ они предпринимались и вы воочію убѣдитесь въ отсутствіи цѣлесообразности въ этихъ средствахъ.

Интересуюсь знать, какъ отвѣтитъ мой знакомый на вопросъ о первенствѣ чувства любви къ истинѣ, къ добру, къ Богу въ сравненіи съ чувствомъ любви къ данному человѣку, я прошу его въ отвѣтномъ моемъ письмѣ къ нему объяснить мнѣ, какъ онъ понимаетъ слова Христа:

„Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели меня (а я есмь истина, Іоаннъ XIV), не достоинъ меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели меня, не достоинъ меня (Мѣ. X. 37, Лк. XIV. 26), а также какъ относиться къ великому подвигу самопожертвованія Христа, въ которомъ онъ на дѣлѣ исполнилъ то, что высказывалъ на словахъ.“

Я пишу ему далѣе, что если понимать слова Христа не въ

томъ ясномъ для меня смыслъ, въ какомъ они сказаны, а въ его, моего знакомаго, не совсѣмъ ясномъ для меня освѣщеніи, то Христось долженъ былъ, отдавъ предпочтеніе своему чувству любви къ матери, для которой очень тяжелъ и даже не по силамъ былъ подвигъ сына, пренебречь своимъ чувствомъ любви къ Богу,—допустить известную сдѣлку съ совѣстью, которая избавила бы его отъ крестныхъ страданій... И это оправдало бы его передъ Богомъ“, по словамъ моего знакомаго, „не загрязнило бы чистоты его души“ и „возвратило бы ему его совершенство“, утраченное имъ лишь на время. Не поступивъ же такъ, какъ считаетъ справедливымъ мой знакомый, Христось тѣмъ самымъ „не имѣетъ оправданія передъ Богомъ“, „загрязнилъ чистоту своей души“, и „лишилъ себя общаго уваженія“.

Къ сожалѣнію, я совсѣмъ не получилъ отъ своего знакомаго отвѣта на свое письмо.

VII.

У кого религія на второмъ планѣ, у того ея совсѣмъ нѣтъ. Богъ совмѣстимъ съ многимъ въ сердцѣ человѣка, но не совмѣстимо одно, чтобы Онъ былъ въ сердцѣ на второмъ планѣ. Тотъ, кто отводитъ Ему второстепенное мѣсто, не отводитъ никакого! Джонъ Рескинъ.

Мы очень любимъ гордиться нравственной высотой, на которую человѣчество будто бы уже поднято христіанскимъ жизненіемъ.

Да. Истинное пониманіе двухъ коренныхъ евангельскихъ заповѣдей, о которыхъ самъ Христось сказалъ, что на нихъ утверждается весь законъ и пророки (Мѣ. XXII. 40), а главное, пониманіе взаимоотношенія ихъ между собою дѣйствительно рано или поздно подниметъ человѣчество на небывалую высоту нравственнаго совершенства, а отсюда и общественнаго благополучія.

Но такое толкованіе этихъ заповѣдей, по которому выходитъ, что необходимо стать дурнымъ, чтобы поступить хорошо, не только не подниметъ человѣка, но даже опуститъ его ниже Ветхозавѣтнаго жизненіемъ.

Въ XIII-ой главѣ Второзаконія (ст. 6—10) мы находимъ у

Моисея слѣдующее жестокое предписаніе: „Если будетъ угрожать тебѣ тайно братъ твой (сынъ отца твоего или сынъ матери твоей), или сынъ твой, или дочь твоя, или жена на ложѣ твоемъ, или другъ твой, который для тебя, какъ душа твоя. говоря: пойдемъ и будемъ служить богамъ инымъ,... то не соглашайся съ нимъ и не слушай его; и да не пощадить его глазъ твой, не жалѣй его и не прикрывай его; но убей его; твоя рука прежде всѣхъ должна быть на немъ“...

Это предписаніе Моисей тутъ же, въ 18-мъ стихѣ, называетъ гласомъ Господа Бога, заповѣдью Его, исполняя которую, люди сдѣлаютъ доброе и угодное предъ очами Господа Бога своего.

Казалось бы, не можетъ быть ничего ужаснѣе закона, вмѣняющаго въ доброе и угодное Богу дѣло убійство друга, жены, родныхъ братьевъ, сестеръ и дѣтей во имя какихъ бы то ни было высокихъ цѣлей.

И однако это не совсѣмъ такъ. Спору нѣтъ, низокъ уровень той религіи, по которой убійство не только ближайшаго родственника, но и вообще человѣка считается угоднымъ Богу дѣломъ.

Однако въ силу того, что по искреннему вѣрованію непривѣщенихъ людей того времени указанное предписаніе Моисея считалось исходящимъ отъ Бога,—пусть грознаго и мстительнаго, но все же отъ Бога,—нервенство въ этой религіи все же было отведено передъ любовью къ человѣку любви къ Богу и притомъ такому Богу, который не петакалъ людскимъ порокамъ въ общепринятомъ ихъ значеніи того времени ¹⁾.

Религія же, согласно которой самъ Богъ позволяетъ людямъ ради ихъ личнаго пристрастія къ ближнимъ своимъ совершать

¹⁾ Въ первенствѣ ветхозавѣтной заповѣди о любви къ Богу мы убѣждаемся еще изъ того, что заповѣдь свою о любви къ Богу Христосъ заимствовалъ у Моисея же, у котораго мы находимъ ее въ слѣдующей интересной по своей силѣ редакціи: Слушай, Израиль, Господь, Богъ нашъ, Господь единъ есть. И любя Господа, Бога твоего, всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всѣми силами твоими. И да будутъ слова сія, которыя Я заповѣдую тебѣ сегодня, въ сердце твоемъ (и въ душѣ твоей). И внушай ихъ дѣтямъ твоимъ и говори объ нихъ, сидя въ домѣ твоемъ и идя дорогою, и ложась и вставая. И навязи ихъ въ знамя на руку твою, и да будутъ они повязкою надъ глазами твоими, и напичи ихъ на косякахъ дома твоего и на воротахъ твоихъ. (Второзаконіе VI. 4—9).

дурные поступки, т.-е., окончательно пренебрегать высшимъ мѣриломъ добра, только и придающимъ человѣческимъ дѣяніямъ вполне безусловную и потому нравственную цѣнность, смѣло можно сказать, не только стоитъ по своему уровню еще ниже ветхозавѣтной религіи, но уже не есть религія. И это потому, что не признавать безусловнаго мѣрила добра собственно и значить не признавать Бога. Религія же безъ Бога уже не есть религія.

IX.

Богъ есть любовь. I посл. Іоанна IV.
8—16.

Но ужаснѣе всего то, что за эту мнимую религію, искусно скрывающую свое отрицаніе Бога подъ личиной якобы высшаго и тончайшаго Его пониманія, нашимъ „вѣрующимъ“ образованнымъ людямъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ удается выдавать христіанство, то самое христіанство, которое достаточно ясно и опредѣленно превознесло заповѣдь о любви къ Богу надъ любовью къ человѣку.

Но мало того, что христіанство оказало предпочтеніе заповѣди о любви къ Богу, это предпочтеніе, какъ мы видѣли, существовало еще и въ ветхомъ завѣтѣ,—главная его заслуга еще не въ этомъ, а въ томъ, что благодаря ему одному стало невозможнымъ изъ любви къ Богу причинять зло не только любимому человѣку, но и постороннимъ людямъ, даже врагамъ нашимъ, которымъ мы такъ склонны бываемъ вредить изъ пристрастія къ ближнимъ своимъ. Невозможность же причинять зло кому бы то ни было уже сама собой уничтожаетъ надобность „быть дурнымъ, чтобы поступать хорошо!“

И всего этого христіанство достигло только тѣмъ, что признало Бога *любвью*.

И дѣйствительно, разъ Богъ есть сама любовь, та совершенная любовь, какъ сущность жизни, въ которой, какъ сказано выше, коренится духовное единство всѣхъ существъ міра, то не можетъ человѣкъ, любящій живущаго въ немъ *Бога любви*, сознательно дѣлать зло, т.-е. нѣчто такое, что какъ разъ и представляетъ изъ себя отсутствіе добра, т.-е. любви.

Тѣмъ, что христіанство, не скажу опредѣлило,—опредѣлить

нельзя Безпредѣльнаго,—а просто назвало Бога именемъ высшего и благороднѣйшаго изъ человѣческихъ чувствъ, дающаго, такъ сказать, наибольшій просвѣтъ для лицеарнія Незримаго и Необъятнаго, оно поднялось на огромную высоту надъ уровнемъ ветхозавѣтнаго богопочитанія.

Но, насколько новый завѣтъ стоитъ выше ветхаго,—„ибо если бы первый завѣтъ (ветхій) былъ безъ недостатка, то не было бы нужды искать мѣста другому“ (Посл. къ Евреямъ, гл. VIII, ст. 7), настолько ветхій завѣтъ стоитъ выше указаннаго мною ложно-христіанскаго жизнепониманія, характернымъ представителемъ котораго является вышеупомянутый мой знакомый съ его совѣтомъ „быть дурнымъ, чтобы поступать хорошо“.

„Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ ветхозавѣтнаго жизнепониманія, напр., Авраамъ, хотя и заносилъ мечъ свой надъ головою родного сына съ полною готовностью умертвить его, но все же дѣлалъ это въ томъ искреннемъ и простодушномъ убѣжденіи, что этого требуетъ отъ него самъ Богъ.

Человѣкъ же современнаго ложно-христіанскаго жизнепониманія убьетъ мать свою, убьетъ сестеръ своихъ, а потомъ будетъ оправдываться тѣмъ, что онъ рѣшился стать дурнымъ, чтобы поступить хорошо, напр., угодить горячо имъ любимой невѣстѣ ¹⁾.

Если подь подобное злодѣяніе еще никто не подводилъ въ качествѣ законнаго основанія вышеупомянутое оправданіе, то это не потому, чтобы оно было непригоднымъ въ данномъ случаѣ, а просто потому, что никто до сихъ поръ не догадался сдѣлать это.

X.

Милости нѣтъ безъ справедливости.
Джонъ Рескинъ.

Позволю себѣ еще на нѣкоторое время задержать вниманіе читателя на пресловутомъ требованіи „стать дурнымъ, чтобы поступить хорошо“.

Кромѣ того, что попросить человѣка сдѣлаться дурнымъ ради хорошаго поступка все равно, что сказать: пригаси лампу.

¹⁾ Я намекаю здѣсь на вѣсьма извѣстное преступленіе Кара.

чтобы она свѣтлѣе горѣла, просить человѣка объ этомъ значить еще сказать: вѣрь въ одно,—въ добро, въ идеаль, въ Бога, а самъ дѣлай совсѣмъ другое, противоположное своей вѣрѣ! И тогда, моль, выйдетъ такъ, что дѣлая второе, ты не нарушишь и перваго, служа мамонѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ исполнишь и волю Бога.

Исполнять *всякое* желаніе любимаго человѣка легко тому, кто или самъ нерелигіозенъ, или, если религіозенъ, то не видитъ разногласія между волей этого человѣка и волей Бога, какъ онъ ее понимаетъ.

Но насколько трудно религіозному человѣку исполнить волю ближняго при условіи, если она противорѣчитъ волѣ Божьей, видно, между прочимъ, изъ того, какъ взволновался и вознегодовалъ Христосъ, когда ученикъ его Петръ попросилъ его не идти туда, откуда ему грозила опасность, т. е. не дѣлать того, что онъ считалъ нужнымъ дѣлать по своему жизнепониманію.

„Отойди отъ меня, сатана! ты мнѣ соблазнъ! потому что думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое“,—замѣтилъ Христосъ Петру, вздумавшему прекословить ему въ словахъ: „Будь милостивъ къ себѣ Господи! да не будетъ этого съ тобою!“ (Мѣ. XVI. 21—23).

Исполнять волю ближняго изъ слѣпой любви къ нему хорошо не только потому, что этимъ нарушаешь волю Божью въ ея требованіяхъ къ себѣ самому, но еще и потому, что нарушаешь ее въ ея требованіяхъ и къ данному ближнему.

Согласовать свои дѣйствія только съ любовью къ ближнему, пренебрегая соображеніями о самостоятельной и безусловной цѣнности этихъ дѣйствій, это все равно, что, служа на фабрикѣ, исполнять волю товарищей своихъ, которыхъ любишь, въ ущербъ волѣ хозяина.

Вообще же говоря, пренебреженіе безусловной цѣнностью своихъ поступковъ ведетъ къ тѣмъ же ошибкамъ, къ которымъ пришли иезуиты ¹⁾, утилитаристы ²⁾ и политическіе и экономическіе дѣятели всѣхъ временъ.

¹⁾ Иезуитами называло себя такое общество людей, основанное Игнатіемъ Лойолой, которое въ руководство своей дѣятельности ставило правило о томъ, что ради достиженія добрыхъ цѣлей можно употреблять дурныя средства.

²⁾ Утилитаристы — это люди, которые измѣряютъ качества своихъ поступковъ цѣною тѣхъ вышнихъ послѣдствій, которыя производятся этими поступками.

Но, можетъ быть,—скажутъ мнѣ,—ближній твой, требующій отъ тебя услугъ, кажущихся тебѣ противными волѣ Бога, лучше тебя знаетъ волю Божью?

Если ближній мой дѣйствительно окажется болѣе свѣдущимъ въ волѣ Божьей, чѣмъ я, то и изъ этого не будетъ слѣдовать, чтобы я долженъ былъ жить не по своему, а по его разумѣнію.

Пусть всякій, не переставая, совершенствуется въ добрѣ, пользуясь мудростью всего человѣчества, но пусть живетъ въ мѣру собственнаго, а не чужого совершенства.

Конечно нельзя любить Бога, не любя ближняго, какъ справедливо замѣтилъ Апостоль Іоаннъ Богословъ (1 посл. IV. 20). Но одинаково нельзя истинно, безпристрастно, целицепріятно любить и ближняго, не любя Бога. Если этотъ ближній-ребенокъ, то любя его, не руководствуясь любовью къ Богу, вы испортите его окончательно. Если это взрослый, то любя его не сообразуясь съ волей Бога, вы будете потворствовать его страстямъ въ ущербъ и своему, и его благу и, наконецъ, благу тѣхъ людей, съ интересами которыхъ, если не сейчасъ, то скоро неминуемо столкнутся личные интересы любимаго вами ближняго.

Требованіе Христа, чтобы люди руководствовались въ жизни не одною только любовью къ ближнему, а непременно двумя упомянутыми заповѣдями, такъ же важно людямъ, какъ важно для каменщиковъ, строящихъ домъ, чтобы камни были пригнаны, прилажены не столько къ неровностямъ и формамъ другъ друга, которымъ нѣтъ числа, сколько прежде всего къ прямоугольнику. Вытесавъ камни по прямоугольнику, каменотесъ придаетъ всѣмъ имъ ту правильную форму, обладая которою они легко придутся и другъ къ другу.

Несочувствіе Христа къ взаимной угодливости людей въ ущербъ угожденію волѣ Божьей видно между прочимъ изъ словъ его: „Горе вамъ, когда всѣ люди будутъ говорить о васъ хорошо. Ибо такъ поступали съ лжепророками“¹⁾. Лука VI. 26.

¹⁾ Истинныхъ же пророковъ убивали. (Матѣ. XXIII. 35—37).

XI.

Богъ повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь, на праведныхъ и неправедныхъ. Мате. V. 45.

Но—скажутъ—задавшись одновременно двумя цѣлями, можешь не достигнуть ни одной. Рѣшивъ любить и Бога, и ближняго, рискуешь не осуществить ни того, ни другого.

Совершенно правильно мнѣніе о невозможности задаваться двумя противоположными цѣлями. Сочувствіе этому мнѣнію Христосъ выразилъ въ словахъ своихъ: „нельзя служить и Богу и Мамонѣ“.

Но здѣсь, принимая двѣ коренныя заповѣди Христа, мы задаемся не двумя противоположными, а лишь одной двусторонней цѣлью: съ одной стороны подчинить конечное безконечному, Человѣка Богу, а съ другой воплотить безконечное въ конечномъ,—Бога въ Человѣкѣ.

Если же изъ совмѣстнаго дѣйствія обѣихъ заповѣдей выйдетъ только то, что мы, какъ говорится, отъ одного отстанемъ, а къ другому не пристанемъ, то въ этомъ нѣтъ ничего дурного для насъ. Какъ лодка, одновременно подверженная дѣйствію двухъ силъ,—силѣ гребца, направляющаго ее къ противоположному берегу рѣки и силѣ воды, относящей ее, напр., вдоль по теченію рѣки, пойдетъ не по направленію одной изъ этихъ силъ, дѣйствующей наискоски другъ другу, а по линіи, которая займетъ среднее положеніе между этими двумя направленіями,—такъ и Человѣкъ, подчиненный вліянію двухъ евангельскихъ заповѣдей,—о любви къ Богу и ближнему,—исполнить не одну только изъ нихъ, а, такъ сказать, равнодѣйствующую, получающуюся изъ совмѣстнаго дѣйствія ихъ обѣихъ.

Причемъ, чѣмъ сильнѣе будетъ дѣйствіе заповѣди о любви къ Богу, Котораго предписывается любить всѣмъ сердцемъ, разумѣніемъ и помысленіемъ, тѣмъ меньше пристрастія, лицепріятія будетъ вложено нами въ наше чувство любви къ ближнему.

Однимъ словомъ, свойство любви божеской—это, какъ уже сказано выше, облагораживать любовь къ ближнему. Облагораживая же свою любовь къ ближнему любовью къ Богу, мы

какъ бы дѣлаемъ прививку любви божеской на дичкѣ любви къ ближнему, обыкновенно выражающейся въ пристрастіи, предпочтеніи, привязанности, жалости, влюбленности и т. д. А Богъ, какъ сказано въ евангеліи, настолько нелицепріятель, что „повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ“.

ХІІ.

Исполняй долгъ свой, а послѣдствіи предоставь Возложившему его на тебя. Талмудъ.

— „Но послушаніе заповѣди о любви къ Богу,—къ добру, къ истинѣ,—такъ часто влечетъ за собой въ нашей жизни страданія нашихъ братьевъ, что право, бываютъ случаи, когда грѣховно не пренебреженіе волей Божьей, а, какъ разъ наоборотъ, исполненіе ея!“

Такія слова часто приходится выслушивать отъ людей, не вдумывающихся въ причинную связь окружающихъ ихъ явленій и вслѣдствіе этого склонныхъ считать всякое предшествующее явленіе за причину послѣдующаго.

Люди же, понимающіе, что не всякое предшествующее явленіе есть причина послѣдующаго,—иначе пришлось бы считать ночь за причину дня или наоборотъ,—поймутъ и то, что, во-1-хъ, добро ничуть не порождаетъ зла, а имѣетъ только свойство вызывать наружу старое зло, пребывавшее до того въ скрытомъ состояніи и что, во-2-хъ, если ужъ искать благихъ послѣдствій добрыхъ поступковъ, то одно изъ нихъ, въ данномъ случаѣ, въ томъ именно и будетъ состоять, что зло будетъ переведено изъ скрытаго состояніи въ явное,—въ такое, въ какомъ ему при невозможности долго продержаться, придется погибнуть-разсѣяться, какъ тьмѣ передъ свѣтомъ.

Кромѣ того, люди съ правильнымъ пониманіемъ причинности, должны постигнуть и первостепенную важность указанной уже истины о безусловной цѣнности добрыхъ дѣяній, по которой совсѣмъ непозволительно оцѣнивать поступки по ихъ вѣшнимъ послѣдствіямъ. Непозволительно это потому, что, во-1-хъ, не будучи въ состояніи видѣть всѣ эти послѣдствія, такъ какъ они скрываются отъ насъ во тьмѣ будущаго, мы видимъ только

ближайшія изъ нихъ, по большей части дурныя и что, во 2-хъ, мы не въ состояніи, какъ только что выяснено, оцѣнить истинное значеніе даже тѣхъ послѣдствій, которыя мы видимъ.

Однимъ словомъ, намъ остается только слѣдовать мудрому изреченію изъ Талмуда: „Исполниай долгъ свой, а послѣдствія предоставь Возложившему его на тебя“, и вмѣстѣ съ тѣмъ твердо вѣрить, что въ концѣ концовъ изъ любви къ Богу любви, мы не можемъ причинить ближнему зла въ истинномъ значеніи этого слова, а можемъ только косвенно способствовать тому, что ему будетъ больно, мучительно.

Хорошо объясняетъ причину такой боли Паскаль въ слѣдующихъ словахъ:

„Мать вырываетъ ребенка своего изъ пасти звѣря. Ребенку больно, но онъ, конечно, долженъ приписать свое страданіе не матери своей, спасающей его, а звѣрю, желающему удержать его“.

Нѣсколько переиначивая дальнѣйшія слова Паскаля я скажу:

Такъ же точно и человѣкъ долженъ относиться къ боли, вызываемой въ немъ поступкомъ ближняго, совершаемымъ этимъ послѣднимъ изъ любви къ Богу, къ правдѣ.

Богъ черезъ угодный Ему, а потому чуждый всякой ненависти и насилія поступокъ одного изъ сыновъ своихъ, какъ любящій Отецъ, способствуетъ освобожденію души другого сына своего изъ пасти зла и лжи и тѣмъ заставляетъ его страдать. Но страданія эти необходимы и доставляютъ ему благо.

Поэтому онъ долженъ не порицать поступокъ ближняго своего, не мучить его своими попреками и не соблазнять, подобно апостолу Петру, требованіями пренебречь волею Божьей,—такимъ поведеніемъ онъ уже навѣрное нарушаетъ заповѣдь о любви къ Богу и совершаетъ дѣло сатаны по мнѣнію Христа,—а долженъ смиренно переносить, терпѣть свою боль до конца, какъ того и требуютъ Христосъ!

Вѣдь хватаетъ же у насъ терпѣнія переносить всевозможныя, несравненно сильнѣйшія и притомъ, такъ сказать, хроническія (постоянныя) страданія, вытекающія изъ тѣхъ патріотическихкихъ, политическихъ и всякихъ иныхъ внѣшнихъ цѣлей, которыми мы то и дѣло задаемся въ нашей жизни.

Отчего же мы не хотимъ претерпѣть сравнительно легкія, смягченныя нашимъ временемъ страданія чисто переходнаго характера, долженствующія вытекать изъ нашей любви къ безусловному добру, къ высшей правдѣ, къ Богу?

Въ качествѣ оправданія на послѣднее обвиненіе имѣютъ обыкновеніе выставлятъ слова Христа о томъ, что отъ добраго дерева т.-е. ученія Христа, не могутъ произойти дурные плоды, т.-е. страданія людскія и что, слѣдовательно, присутствіе дурныхъ плодовъ (страданій) изобличаетъ дурное дерево, т.-е. якобы неправильно понятое ученіе Христа, а въ частности, взаимоотношеніе его двухъ заповѣдей.

Если это оправданіе вѣрно, то тогда намъ невозможно принять другія слова Христа:

„Не миръ пришелъ я принестъ на землю, но мечъ“. Но такъ какъ эти слова тоже были произнесены Христомъ, который очевидно понималъ ихъ не въ прямомъ смыслѣ, а въ переносномъ, въ смыслѣ разногласія, раздѣленія (Лк. XII. 51), ибо самъ же запретилъ „поднимать мечъ“, то, стало быть, не могутъ быть приняты нами ни въ какомъ иномъ значеніи, какъ только въ томъ, что самыя безукоризненные въ нравственномъ отношеніи поступки могутъ вызывать наружу зло, причиняющее людямъ страданія. Принимать же эти страданія за плодъ, упавшій съ добраго дерева, такъ же ошибочно, какъ смѣшивать прикосновеніе пасти лютаго звѣря съ прикосновеніемъ рукъ пѣжно любящей матери.

— „Какъ хотите объясняйте мое поведеніе, но разъ я вижу, что поступокъ мой;—хотя бы онъ былъ чисто пассивнаго характера ¹⁾ и непосредственно вытекалъ изъ любви къ Богу,—вызываетъ страданія ближняго моего, я не въ состояніи его совершить“,—сказалъ мнѣ NN—человѣкъ, котораго я въ высшей степени уважаю и люблю.

Это послѣднее признаніе такъ и напрашивается на сравненіе съ вышеприведенными словами: „бываютъ случаи, когда грѣховно не пренебреженіе волею Божьей, а какъ разъ наоборотъ, исполненіе ея“, а также съ подвигомъ Христа, вызвавшаго своими крестными страданіями нравственныя страданія матери своей.

Христосъ въ состояніи былъ изъ любви къ Богу допустить страданіе своей матери.

NN не въ состояніи сдѣлать ничего подобнаго.

Большинство же людей прямо-таки *не хотятъ* исполнять волю Божью, считая такое исполненіе грѣховнымъ.

¹⁾ Подъ поступкомъ пассивнаго характера я, въ данномъ случаѣ, подразумѣваю отказъ отъ совершенія такого дѣла, которое мы признаемъ противнымъ нашей совѣсти, волѣ Божьей.

Врядъ ли есть надобность объяснять разницу между словами: *не могу* и *не хочу*.

Человѣкъ, не могущій, но всею душой хотящій исполнять волю Божью, всею душою же будетъ искать причину своей „не-мощи“, въ концѣ концовъ „обращаетъ“ ее либо въ своемъ мало-душии, либо въ неумѣнн дѣйствовать, либо въ неправильномъ пониманіи самой воли Божьей и такимъ образомъ будетъ способствовать превращенію „невозможнаго“ въ возможное; или же такъ и останется при смиренномъ сознаніи своей духовной нищеты.

Человѣкъ же, умышленно не захотѣвшій исполнять волю Божью, не только заграждаетъ передъ собою путь для будущаго самосовершенствованія, даруемаго любовью къ Богу, но еще и въ настоящемъ лишаетъ себя почвы, на которой ему необходимо стоять.

Федоръ Алексѣевичъ Страховъ.

18 декабря 1903.

Урюпинская станица, Донской обл.

Редакторъ-издатель врачъ **А. С. Прохановъ.**

СОДЕРЖАНІЕ № 10—ОКТЯБРЬ.

	СТР.
1) Проречество стих. В. Я. Головня	3
2) Опомнитесь. Н. М. Трегубовъ.	4
3) Притча о богачахъ. В. Я. Головня.	6
4) Любовь къ Богу и къ человѣку. Ф. А. Страховъ	10